

Ирина Молчанова

Виртуальный ангел

*Часть сборника
Праздничные истории любви
(сборник)*

Ирина Алексеевна Молчанова

Виртуальный ангел

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176564
День святого Валентина: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32385-2*

Аннотация

Она невидимка. Соседи, прохожие, продавцы в магазинах, одноклассники в школе – никто не обращает на нее внимания. Даже единственная подруга занята только собой, ей дела нет до проблем Карины. И вдруг в жизни скромной тихони начинают происходить чудеса: кто-то пишет ей анонимные романтические послания, она знакомится с потрясающим парнем и... понимает, что у нее появился самый настоящий секрет...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирина Молчанова «Виртуальный ангел»

Пролог Два сердца

Семья собралась за праздничным столом: отец, сын, мать и маленькая дочка – все нарядные и счастливые. Мальчик держал хлопущку, а девочка обнимала толстого черного кота с бантом на шее. Женщина в ярко-зеленом платье с улыбкой смотрела на огромный «Наполеон» в центре стола, уставленного тарелками и фужерами. Мужчина в одной руке держал фотоаппарат, а другой указывал на экран телевизора, где выступал с праздничным обращением президент России.

Возле каждой тарелки лежали красные салфетки с белыми узорами по краям, в вазах – конфеты в блестящих обертках, крупные мандарины, в хрустальных мисочках – салаты, соленые грибы, оливки, на плоских блюдах – нарезки колбас, сыров, рыбы, колечки ананаса. Обязательная зелененькая бутылка шампанского возвышалась в самом центре стола. Хлеб, как положено на праздники, нарезан треугольниками, в плетеной корзинке – бананы и яблоки. Целый поднос бутербродов с красной икрой.

Карина посмотрела на только что купленный елочный шар, зажатый в мокрой от снега варежке, и вздохнула. Ее взгляд встретился с преданными, все понимающими карими глазами.

– Сейчас-сейчас, Артоша, потерпи еще немного, – пробормотала она, возвращаясь к созерцанию витрины магазина, за стеклом которой отмечала Новый год семья кукол, настолько походивших на живых людей, что было чуть-чуть неловко. Точно ее поймали за подглядыванием.

Белый пудель тихонько заскулил и теснее прижался к ногам девочки.

– Вот бы сейчас один бутербродик, – выдохнула Карина, стягивая рукавицу и нагибаясь к продрогшей собаке, чтобы погладить.

Пес ткнулся ей в ладонь мокрым носом и завилал хвостом с пушистой кисточкой.

– Какое чудо! – воскликнул кто-то совсем близко.

Карина выпрямилась.

К магазину игрушек подошла влюбленная парочка. Ребята с интересом уставились на кукольную семейку, а девочку в белой куртке с натянутым на глаза капюшоном и пуделем на поводке не заметили.

– Ром, ну посмотри на них! – настаивала девчонка в красном пуховике, дергая друга за рукав.

– Чё я, слепой, что ли?! Вижу! Пошли уже, Светка, я просто околел!

– Рома, да они как живые! Ну, посмотри, пожалуйста, – упрашивала Света.

Парень упрямо отвернулся и произнес по слогам:

– До-ста-ла!

Карина затаила дыхание. Ребята по-прежнему ее не замечали, а вот она их разглядела... и узнала. Трудно было бы не узнать самую популярную пару в родном классе. Света с Ромой начали встречаться еще на летних каникулах, а когда наступил учебный год, объявили всем, что после школы поженятся. То-то шуму наделали. Одноклассницы сразу кинулись поздравлять, листать каталоги с нарядами для невест, планировать, кто станет свидетелями на свадьбе, а парни распределять, кто какую выпивку притащит на мальчишник. Учителя воспри-

няли новость не так восторженно: одни тихо посмеивались, другие в открытую заявляли: «Вы школу сперва закончите, три года еще учиться, десять раз разбежитесь».

– Неужели, блин, трудно просто посмотреть?! – вспыхнула Света.

– Представь, трудно! – фыркнул Рома. – И если ты насмотрелась на эту фигню, то пошли по домам, тошнит уже с тобой снег месить!

Услышав такое, Карина вовсе перестала дышать и вжалась в стекло витрины. Она знала, как остра на язык бывает Света. Но, к ее изумлению, одноклассница не стала спорить, прошептала лишь:

– Ну и черт с тобой, Ромка!

Парочка медленно двинулась в сторону площади, где красовалась огромная сверкающая елка, украшенная разноцветными бумажными фонариками и гирляндами.

– Пошли за ними, – шепнула Карина переминаящемуся с лапы на лапу пуделю и натянула поводок.

Ребята недолго молчали, Света не выдержала и сердито сказала:

– Если тебя все достало, так давай...

– Что тебе давать? – ворчливо спросил Рома.

– Давай расстанемся, вот что! Зачем мучиться?

Карина поскользнулась на запорошенном льду, взмахнула руками и, пока ловила равновесие, не расслышала, что же ответил Рома.

– Не смотри так, Артемон, – пожурила девочка собаку, – я ведь просто иду домой! Кто виноват, что мне с ними в одну сторону? – Она прибавила шаг, но одноклассники были уже довольно далеко и, кажется, больше не разговаривали.

«Что же он ответил? Неужели они расстанутся, вот так... так глупо?»

Рома считался самым красивым мальчиком из всех девятых классов в школе, но бегать за ним никто не смел – Свету побаивались. Она с соперницами обходилась строго, могла и в глаз дать.

Артемон почувствовал близость дома и потянул поводок, заставляя ее идти быстрее. Они пересекли пустынную площадь, освещенную елочными огнями, и вошли в темную арку, где минутой назад скрылись Света с Ромой.

В тихом прямоугольном дворике возле одного из подъездов в фонаре гулко дребезжала лампа. Почти во всех окнах горел свет, виднелись силуэты людей, доносились обрывки разговоров. Она не сразу заметила, как из третьей парадной вышел Рома, поэтому спрятаться не успела.

Парень прошел мимо, только Карина хотела вздохнуть с облегчением, как он бросил через плечо:

– Привет, Алмазова!

Она обернулась и увидела, как он завернул за угол дома.

– Привет, – сказала она в никуда.

Артемон твякнул.

– Слышал?! – подергала поводок девочка. – Он сказал «привет»! А в школе даже не смотрит в мою сторону.

«Впрочем, как и все остальные», – мысленно прибавила она и решительно зашагала к первому подъезду, где на первом этаже в трехкомнатной квартире № 1 жила ее семья.

Дверь открыл дедушка. В синих тренировочных штанах, заправленных в шерстяные носки, в белой майке и очках для чтения, он рассеянно обронил: «Картошка на плите, подогрей и ешь», сунул под мышку ворох газет и удалился на кухню. Алмазов-старший любил по вечерам пить чай с малиновым вареньем в компании газеты «Вести» и радио «Маяк», пока бабушка смотрела в комнате любимый сериал.

Карина сняла куртку, шапку, ботинки, отстегнула Артемону поводок и вошла в свою комнату. У зеркала в резной раме, сделанной дедом ей в подарок на Восьмое марта, девочка остановилась. Голубые, чуть вьющиеся волосы были в беспорядке после шапки и висели вдоль худенького лица двумя свалявшимися мочалками. Щеки раскраснелись на морозе, а прозрачные серо-голубые глаза стали как будто ярче.

Карина взяла с полки массажную расческу и, морщась от боли, начала причесываться.

Волосы в голубой цвет она покрасила в седьмом классе. Тогда ей казалось, что после этого ее сразу же заметят все. Девчонки, мальчишки, продавцы в магазинах, собачники во дворе, соседи по лестничной клетке – каждый, кто смотрел на нее столько лет и не видел, кто мог пихнуть, наступить на ногу и пойти дальше, даже не оглянувшись. Всем-всем-всем, несправедливо записавшим ее в бесправную невидимку, ей хотелось доказать... Не доказала. Одноклассники посмеялись. Модница Галя Решеткина долго разглядывала ее волосы, а затем громко спросила у собравшихся одноклассников: «Что это она с собой сделала? Отстой какой-то». Продавцы по-прежнему откликались лишь с третьего или четвертого «Простите», собачники все так же разговаривали неохотно, а соседи, как раньше, забывали поздороваться при встрече. Ничего не изменилось, лишь волосы из белых стали голубыми. А менять цвет обратно ей было стыдно – с тех пор так и красилась.

Артемон устроился в своей корзинке возле батареи, положил голову на лапы и теперь внимательно следил за ее движениями.

Карина распутала волосы, сходила вымыла лицо, руки и переделалась в пушистую белую пижаму, усеянную красными сердечками.

Часы на стене показывали десять тридцать.

– Завтра в школу, – грустно поделилась она с Артемоном.

Пес подал голос и завилял хвостом. Он всегда так делал, когда хотел ее подбодрить.

Она присела возле корзинки и погладила любимца по курчавой голове. Эту собаку им подкинули под дверь четыре года назад в коробке из-под телевизора. В те дни на улице стояли сильные морозы, а из-за аварии на станции подъезды во всем доме не отапливались, и щенка пришлось взять. Сперва они хотели найти малышу достойных хозяев, но сами не заметили, как быстро к нему привязались.

Карина выключила в комнате свет и подошла к огромному подоконнику, где лежал расстеленный плед. Она отдернула плотную белую занавеску и по деревянной лесенке, сделанной дедом, залезла на свое самое любимое место во всей квартире. Из окна открывался вид на заснеженную площадь с елкой, на опутанные зелеными гирляндами голые деревья и яркие предновогодние витрины магазинов. На улице почти никого не было, редкие прохожие с сумками и пакетами спешили после работы домой. Немногие останавливались, чтобы полюбоваться наряженной елкой, большинство торопливо заходили в магазинчики, а потом так же торопливо выходили из них. Ей нравилось наблюдать за людьми, представлять, куда они идут и кто их там ждет, придумывать, кем они работают, о чем мечтают, как отдыхают, ради чего живут. Она неделями могла думать о незнакомцах, которых видела мельком из окна или во время прогулки с собакой. Иногда хотелось распахнуть форточку и крикнуть симпатичным прохожим, чтобы не уходили, побыли на площади еще немножко, но она, конечно, никогда не осмеливалась на такое. Бабушка любила говорить про нее: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Карину это ни капельки не останавливало. Ей, напротив, всегда было интересно, зачем Варвара ходила в тот памятный день на базар, как была одета и – самое главное – что же такого интересного услышала, из-за чего впоследствии лишилась своего знаменитого носа? А еще хотелось знать, интересуется ли это хоть кого-нибудь на свете, кроме нее?

Девочка задернула занавеску, вытащила спрятанный под пледом маленький ноутбук и устроила его на коленях.

Компьютер появился у нее не так давно. Около полугода назад учительница по информатике упрекнула на собрании всех родителей, чьи дети не могли выполнять домашние задания по ее предмету. Дедушка как узнал, сказал: «Раз такое дело, помирать рано», взял накопленные на похороны деньги и, ни с кем ничего не обсуждая, пошел в магазин, откуда через два часа вернулся с маленьким серебристым ноутбуком.

Какое-то время она боялась даже включать дорогую игрушку, а теперь не представляла, как можно ее не включить хотя бы один раз за день. Не верилось, что в этой маленькой штуковине заключен целый мир, где за людьми не нужно бегать и не нужно их просить рассказать о себе. В Интернете все с удовольствием рассказывали не только о себе и своих интересах, но и о родне, друзьях, возлюбленных, показывали фотки. Больше всего ей нравилось читать виртуальные дневники. Свое пребывание в Сети она начинала именно с этого – чтения новых записей в дневниках одноклассниц и просто неизвестных ей девчонок и мальчишек.

Занавеска шевельнулась, и из темноты показалось мамино лицо.

– Уже за компьютером! А я тебе кричу-кричу!

– Да вот... – Карина вздохнула. – Мы уже пришли с прогулки.

– Пойдем есть, я картошку сварила. Огурчики достану, соленые грибочки...

Карина задумчиво посмотрела на маму.

– А помнишь, мам, там банка икры в холодильнике... праздник ведь еще не скоро, а кусочек новогоднего счастья хочется прямо сейчас. Может, откроем?

Мама засмеялась.

– Ой лиса-а-а! А на Новый год что будешь есть?

– А мы еще купим! Так ведь? Ну а что эта одна баночка лежит там такая одинокая...

– Картошку иди жуй, хитрюга!

Мама ушла, но не успела Карина прочесть до конца новый пост в дневнике модницы их класса Гали Решеткиной, которая описывала поход с подружками по магазинам, как в комнате включился свет.

– Несу, открывай свою ширму, – предупредила мама.

На край подоконника была водружена большая папина кружка дымящегося чая с лимоном и два бутерброда с икрой.

Карина заметила, что крупная ярко-оранжевая икра выложена на булке в виде сердец, и улыбнулась. Только любящий человек, такой, как мама, мог из мелочи сотворить нечто особенное и до покалывания в носу трогательное.

Мама присела на подоконник и кивнула на компьютер:

– А что ты там читаешь?

Карина откусила бутерброд и прикрыла от удовольствия глаза. Икринки, брызгая солоноватым соком, лопались на зубах.

– Я читаю дневники девчонок из нашего класса, – наконец ответила она, громко отхлебывая из кружки сладкий чай с ароматной кислинкой.

– А о чем они пишут?

– О всяком... вот Галя Решеткина, помнишь ее? Это та высокая блондинка, ты еще говорила, что она похожа на одиннадцатиклассницу.

– Помню. О чем же она пишет?

– Про магазины очень много, она любит ходить за покупками, ну и всякое такое... про жизнь свою, фотографии выставляет с друзьями, много чего.

– А у Люси тоже есть такой дневник?

– Ага, только она в нем редко бывает. Можно сказать, не ведет его вовсе!

– А ты?

– Что?

– Ты в своем часто пишешь?

Карина затрясла головой.

– У меня нет дневника.

– Почему? – изумилась мама.

– Не знаю... не знаю, о чем писать.

– А ты попробуй, другие ведь пишут, может, и они сперва не знали. Нужно только начать. – Мама вынула из кармана халата мандарин и положила на блюдечко ко второму бутерброду. – Спокойной ночи, Кариша, не сиди долго, завтра в школу!

Прежде чем уйти, мама задернула занавески и включила в комнате свет.

Карина жевала бутерброд, пила горячий чай, просматривала виртуальные дневники и думала...

Дневник у нее был, но записей в нем она еще никогда не делала.

«О чем же написать? Просто „Всеm привет“? А если в ответ никто не скажет мне „привет“? Ведь так пишет каждый второй. Скучно».

На площади появилась парочка. Девушка с молодым человеком остановились возле елки и обнялись. Так они какое-то время стояли, а потом девушка вынула из кармана белой шубки фотоаппарат, и они стали фотографироваться. Карина тут же позабыла о еде. Этим двоим девочка знала хорошо – иногда ей казалось, что даже лучше, чем они сами себя. За последние два года они частенько гуляли на площади, или заходили в магазинчики, или просто проходили мимо ее окна. Они всегда держались за руки, смотрели друг на друга влюбленными глазами, много смеялись и постоянно целовались. Карина не знала их имен, не знала, где они живут и сколько времени уже встречаются, но думать о них ей нравилось больше, чем о ком-либо другом. Они точно заряжали ее каким-то волшебством, неопишущей радостью – дарили веру в любовь.

Карина наблюдала, как парочка весело кидается снежками, и неожиданно ей вспомнилась другая пара... Стало грустно. Ее взгляд скользнул по бутерброду с икрой, выложенной сердечком, и вернулся к экрану ноутбука, где белела страница ее пустого дневника. После недолгих раздумий она кликнула по ссылке «**Новая запись**» сверху страницы.

Девочка не заметила, как любимая парочка ушла с площади, в магазинах погас свет, а улица совсем опустела. Перед глазами, точно слайды, сменялись образы, клавиши шелестели в тишине под ее пальцами, и нужные слова находились сами собой.

Когда текст был готов, она перечитала его, съела второй бутерброд, допила остывший чай и нажала «Опубликовать».

Через мгновение в дневнике появилась ее первая запись:

Самая яркая звезда

Они всего лишь друг другу надоели. Как приедается со временем даже самая вкусная еда, наскучивают привычные старые вещи и один и тот же путь от дома до школы. Это не значит, что любовь умерла... Любовь бессмертна, она как звезда, которой венчают новогоднюю елку – самое главное украшение жизни. Звезда не может потускнеть или погаснуть, но ею можно устать любоваться и ее можно поменять на что-нибудь другое – на шишку, например. Только шишка совсем не то... для того, чтобы это понять, нужно увидеть собственными глазами, как нелепо она смотрится на месте звезды.

Она красивая и задиристая. У нее длинные-длинные волосы цвета красного вина, ямочки на щеках и необыкновенно зеленые глаза. Ее имя ассоциируется со светом, а характер порой напоминает хлопушку – такой же взрывной, стоит потянуть за веревочку и... бабах! Пока кружится серпантин и в ушах стоит грохот взрыва, ее легко ненавидеть. Но

когда разноцветный вихрь уляжется и развеется острый запах серы, ее так просто полюбить вновь. За красоту, за популярность, яркость, оригинальность, за... одну лишь улыбку.

Он ей ни в чем не уступает. Хорош собой и не глуп. У него светлые волосы, а глаза – выразительные и грустные, как у щеночка. Иногда кажется, будто ему вовсе не нравится задирачься, не хочется быть таким, как все, или даже чуточку хуже всех, чтобы выделяться. Он лучше, чем пытается всем доказать, и она полюбила его именно потому, что поняла это самой первой. Как если бы вытянула на экзамене желанный для всего класса билет.

Они давно нашли друг друга, но по неосторожности потеряли...

Она будет кокетничать с другими мальчишками, а особенно с его лучшим другом. Не для того, чтобы отомстить, а потому что ей больно от его безразличия, потому что она не знает, как можно его вернуть, как забрать назад необдуманные слова.

Он будет делать вид, что ничего не замечает, а вечерами смотреть на ее фотографию и скучать, а еще – ссориться по телефону с лучшим другом. Очень скоро он поймет, что звездой не обязательно любоваться постоянно, просто ее нужно беречь и всегда помнить о ней. Помнить, что без нее плохо и что самая замечательная шишка на свете никогда ее не заменит.

Однажды в дверь раздастся звонок. Она откроет, не спрашивая: «Кто там?», уверенная, что в гости пришла подружка. Он переступит порог, поставит к ее ногам большую коробку и скажет:

– Эти куклы и правда как живые. Давай все с начала? Ты скажешь: «Посмотри на них», и я посмотрю... Мне все равно, куда смотреть, лишь бы с тобой вместе.

А она скажет:

– Я тебя люблю. – И обнимет крепко-крепко.

Комментировать Цитировать

Карина выключила ноутбук и взяла с блюдца мандарин.

За окном пошел снег.

До Нового года оставался ровно тридцать один день.

Глава 1

Поцелуй с хрюком и прочие неприятности

Снег точно покрылся сахарной корочкой и приятно хрустел под сапогами. Лучи холодного солнца, всходящего из-за желтых пятиэтажных домов, освещали дорогу, и она блестела, как пыль от самоцветов. Белогривые деревья застыли словно статуи, оживая, лишь когда яркий луч скользил по снежным ветвям. Город нехотя просыпался: люди ползли по своим делам, машины бесшумно катились по светло-серой от инея дороге, на стеклянных дверях магазинов, разукрашенных морозными узорами, появлялись таблички «Открыто».

Карина выбрала на углу дома солнечный пяточок и принялась ждать. Подруга, как обычно, опаздывала. Люся никогда не отличалась обязательностью. Могла проспать, могла не позвонить, могла вообще забить на школу или на встречу. Состоятельные родители потакали ей во всем, даже на курорт как-то раз посреди учебного года отправили. Одноклассники Люсю недолюбливали – девчонки из-за хвастовства, а мальчишки из-за того, что подкупленные подарками учителя прощали ей прогулы, хождение по школе без сменной обуви и частенько завышали оценки.

– Вот и я! – послышался звонкий голос подружки. В короткой сиреневой курточке, черных бриджах и длинных под цвет куртки сапогах на толстых каблуках, Люся торопливо вывернула из-за угла. Нарощенные недавно до пояса красно-желтые африканские косички она убрала в хвост, а в уши вдела огромные желтые кольца.

– Привет, – улыбнулась Карина.

– Ну что, давно ждешь?! – слегка стукнула ее подружка маленькой черной сумочкой.

– Нет, только что подошла.

Люся полезла в сумку и вытащила длинную косметичку на молнии.

– Зыкай, что у меня есть!

– А что это?

– Ты чё, не видишь! Пенальчик новый! Клёвый, да?

Карина пожала плечами.

– Да, хороший.

Люся убрала пенал, но потом снова достала и вытащила из него большой ластик.

– Гляди! – Она указала на другую сторону резинки. – Дима Билан!

– Ага, вижу, здорово.

Девочки перешли дорогу и через арку вошли во дворы, где находилась их школа.

Прежде чем подняться на крыльцо, Люся потопала на месте, стряхивая с каблуков налипший снег.

– Галька обзавидуется, когда увидит мои новые сапоги!

– А разве у нее не такие же, только красные?

– Да ты чего! – возмутилась подруга. – У нее совсем другие! У меня не фигня какая-то, а из Франции!

Карина молча кивнула. Ей давно стало понятно, что Люся пытается произвести впечатление на модницу Галю, только пока ничего у нее не выходило. Галя общалась лишь с популярными девчонками и мальчишками.

Мимо прошел Рома, но на подруг даже не взглянул.

– Поссорился со Светкой, теперь ходит злющий, как черт, – шепнула Люся, – бесит прям, ну чё так убиваться, скажи мне?! Не одна она такая на свете расчудесная!

– Может, и не одна, но сердцу, говорят, не прикажешь, – проходя в гардероб, обронила Карина.

Подружка сердито сверкнула глазами, густо подведенными черным карандашом.

– А Светка теперь к моему Женьке клеится... ну не к моему, конечно, но ты поняла! Наглая, бли-и-н... может, мне с Ромкой тогда замутить?! Как думаешь?

Карина повесила куртку на крючок и, пока снимала сапоги и надевала спортивные тапки, заметила:

– Они помирятся, а ты останешься...

– Теперь уж не помирятся, Светка сказала Гальке, а Галька еще кому-то там, короче, я узнала от Тани, что Светка ненавидит Ромку. Говорит, он настоящий дурак и вообще с ним скучно! Типа, он и ухаживать-то за девушкой не умеет.

– Если бы не умел, Света не мечтала бы выйти за него замуж. Мало ли, что она могла наговорить сгоряча.

Люся отмахнулась.

– Да ну, ничего ты не понимаешь! И вообще, захочу и замучу с Ромкой, мое дело!

Карина возражать не стала. Все равно упрямую подружку не переубедить. Ей как будто нравилось спотыкаться на одном и том же месте.

Первым уроком стояла литература, поэтому они пошли на третий этаж. Возле кабинета уже собрались одноклассницы, чуть поодаль стояли парни.

– Я сегодня сяду с тобой на литре, – тихо сказала Люся и тут же пояснила: – За тобой Рома сидит, я ручку у него попрошу.

– Зачем? – удивилась Карина. – Я могу дать тебе ручку, у меня есть запасная.

Люся приветливо кивнула двум другим своим подружкам и раздраженно пояснила:

– Да не нужна мне твоя, мне его ручка нужна! Понимаешь?

– Ага... кажется.

К ним подбежали Таня с Аней и утянули Люсю за собой в туалет, где каждый день секретничали на переменах. Эти стриженные под мальчишек двойняшки перешли к ним в класс два года назад, но так ни с кем и не подружились, кроме Люси.

Карина подошла к одноклассникам. Ее заметили ее, поприветствовали и, как всегда бывало, сразу же забыли – точно никого нового в компании и не появилось. Иногда к ней обращались, что-то спрашивали или просто шутили в ее адрес, но Карина постоянно чувствовала себя лишней. Даже стоять рядом с одноклассниками ей было неловко, казалось, все видят, какая она жалкая и неинтересная.

– Эй, – дотронулся кто-то до ее плеча.

Карина обернулась и увидела Рому. Парень тыкнул пальцем в свою тетрадь.

– Не знаешь, что нам задали?

– Знаю, – ошеломленная его неожиданным вниманием, промямлила она.

Одноклассницы резко умолкли и теперь подозрительно смотрели на них.

– Скажешь?

– Да, – спохватилась Карина, торопливо вытаскивая из рюкзака тетрадь по литературе.

Рома глянул на обложку и с улыбкой сказал:

– На твоего пуделька похож. Как там его, Артемон, да?

– Да. – Она неловко открыла тетрадь и указала на поля, где было записано домашнее задание. – Страница пятьдесят четыре, ответить на вопросы после текста.

– Это все?

Карина заметила, что парень бросил взгляд в ту сторону, где стояла Света с Галей, и, подавляя вздох, кивнула.

– Больше ничего.

Рома поблагодарил и отошел.

Хоть она не была влюблена в этого парня, но вдруг стало обидно, что его интерес к ней вызван лишь желанием задеть Свету.

Пришла учительница и открыла кабинет.

Вскоре начался урок.

Люся, как планировала, обернулась к Роме и шепотом попросила:

– Дай, пожалуйста, ручку, а то моя не пишет.

– Пиши пальцем, – тоже шепотом ответил он.

– Ну ладно тебе, жалко, что ли?

– Нет у меня ручки, отвернись!

Учительница строго на них посмотрела.

– Четвертая и пятая парты, немедленно угомонились!

Люся разочарованно вернулась к своей тетради, но долго записывать за учительницей не смогла. Ее ручка и в самом деле сломалась.

– Дай ручку, – потребовала соседка, – моя реально не пишет.

Карина вынула из пенала запасную ручку, протянула подруге и тут почувствовала, что ее тыкают в спину. Она осторожно, чтобы учительница не заметила, обернулась.

– У тебя есть стиралка? – спросил Рома.

– Сейчас... – но Люся, оттолкнув ее руку, вручила парню свой новенький ластик.

– Фу-у, Билан, – тихо фыркнул Рома и швырнул ластик им на парту. Тот подскочил и угодил прямехонько в голову одной из сидящих впереди двойняшек.

Аня вскрикнула от неожиданности и резко обернулась.

– Кто швыряется? – возмущенно заорала на весь класс ее сестра.

– Тс-с-с, – шикнула на них Люся, – отдайте, это мое!

Учительница грозно поднялась из-за стола.

– Что происходит? Кто кинул в Аню ластиком?

– Я случайно, – признался Рома.

– Грачев, – уперла руки в боки учительница, – еще одна выходка, и вылетишь из класса!

– Алла Борисовна, – подала голос Люся, – а можно мой ластик назад?

– Люся, а ты почему здесь?! Кто тебе разрешил пересесть?

– Никто, просто...

– Раз никто, марш на свое место!

Учительницу по литературе слушались все без исключения, уж кого-кого, а ее подарками и мытьем класса умаслить не удавалось.

Подруга пересела на последнюю парту, куда ее сослали первого сентября за опоздание, и учительница объявила:

– А теперь проверочная.

Алла Борисовна написала на доске стихотворение, задала сделать разбор, сама же уселась за стол и принялась заполнять журнал, попивая кофе из пластмассового стаканчика.

В классе стало очень тихо, слышался только скрип ручек по бумаге и гудение лампы над средним рядом.

Карина определила размер стихотворения, только собиралась поискать тропы, как снова почувствовала тычки в спину. Она посмотрела через плечо на Рому и одними губами спросила:

– Что?

– Какой размер?

– Пятистопный хорей.

– Алмазова! – гаркнула Алла Борисовна. – В свою тетрадь смотри!

Карина испуганно отвернулась. Сердце билось в груди как сумасшедшее, даже руки задрожали – с соседнего ряда на нее хищно смотрела Света. Одноклассница выглядела раздраженной. Она демонстративно перевела взгляд с Карины на доску и откинула длинную

бордовую косу за спину, задев пушистым кончиком лицо сидящего позади Жени, с которым флиртовала уже целых три дня.

«Не отвлекаться, – сказала себе Карина, перечитывая стихотворение, – еще не хватало трояк получить...»

Когда сосед с задней парты снова ее ткнул, она сделала вид, будто ничего не заметила, но Рома оказался назойливым.

– Алмазова, – позвал он, – пс-с...

– Ну что? – не выдержала она.

– А это анафора, да? – подчеркнул он карандашом третью строчку.

– Нет, какая анафора, сравнение!

Рома нахмурился.

– А эта? – указал он на следующую строчку.

– Метафора, кажется... не уверена, еще не дошла до этого места...

– Алмазова и Грачев, – громыхнул в тишине голос учительницы, – работы мне на стол, сами – за дверь!

– Алла Борисовна... – просительно начал Рома, но учительница его оборвала:

– За дверь, Грачев, я сказала, работу и свой дневник мне на стол.

Рома нехотя начал скидывать вещи в рюкзак.

– Алмазова, – послышался еще один окрик, затем учительница подошла и забрала у них листки с работами. От резких движений литераторши в лицо повеяло холодом.

Карина затылком чувствовала, что все на нее смотрят. Карандаши, линейка, ластик, как назло, падали из рук, создавая лишний шум, а молния на рюкзаке никак не хотела застегиваться.

– Мы долго будем ждать? – раздраженно спросила Алла Борисовна. – Вы отнимаете время у своих одноклассников!

Рома уже подошел к двери, когда Карина неуклюже развернулась и смахнула рюкзаком с соседней парты Светин пенал. Разноцветные ручки разлетелись по полу, одна выкатилась к доске, а две другие улетели под чужие парты.

– Балбеска! – прошипела Света.

– Прости, прости, я случайно, – залепетала Карина, бросаясь собирать ручки, но не успела она выудить даже одну, оказавшуюся под партой двойняшек, как рука учительницы схватила ее за рюкзак и поволокла к двери. Карину выпихнули из класса, точно безбилетника из автобуса. Дверь с грохотом закрылась.

– Психопатка, – негромко сказал стоявший неподалеку Рома, – не бойсь, на следующем уроке она и не вспомнит об этом.

Карина недоверчиво посмотрела на него. Ее никогда прежде не выгоняли из класса, а то, что при этом вот так накричали и забрали дневник, казалось совсем нереальным.

– А в дневнике что-нибудь напишет? – осторожно спросила она.

– Ага, – беспечно улыбнулся Рома, – фигню всякую, типа, мешала вести урок или даже сорвала урок... – Он задумчиво помолчал. – Наша Алка любит пафосно взывать к родителям. Да чего я рассказываю, урок закончится, сама посмотришь.

Сердце неприятно сжалось. В ее дневнике частыми гостями были пятерки и четверки, очень редкими – тройки, а замечаний вовсе не водилось.

– Ты чего такая убитая? – изумился парень. – Подумаешь, выгнали. Велика беда.

– Может, тебе и не велика...

Он не дослушал и кивком указал на лестничный проход.

– Пошли, на чердаке можно посидеть, здесь дежурные шныряют, а у нас нет пропусков.

Карина молча поплелась следом, разглядывая его взъерошенный затылок и раздумывая о красной записи в дневнике, которую сегодня вечером придется показать родителям.

«Ну и как это объяснить? Мама, просто одноклассник ткнул меня в спину, я повернулась к нему и...» – сваливать свою вину на кого-то ей не нравилось, маме бы это понравилось еще меньше. А папа любил говорить: «Сам пропадай, а товарища выручай». Дедушка был с ним полностью согласен, он наверняка бы вспомнил войну, когда солдаты плечом к плечу сражались за родину и на целый взвод делили одну папироску. Дед терпеть не мог малодушных людей, это только бабушка таких жалела и приговаривала: «Ну трусишка, что с нее взять? Зайчонок – ничего с этим теперь не поделать». И ее ласковое «зайчонок» звучало куда унижительнее, чем десяток обидных слов деда и отца, вместе взятых.

Рома взбежал по лестнице, остановился на самом верху и засунул руки в карманы темно-синих джинсов.

– Завтра попросим переписать проверочную, и все хоккей, – беспечно заявил он.

– Ты так уже делал? – полюбопытствовала Карина, осматривая разрисованные граффити стены и скамейку без спинки в углу, возле приоткрытой дверцы на чердак.

– Я всегда так и делаю, – заявил парень и уселся на скамейку, после чего похлопал рядом с собой, чтобы она тоже присела.

– А разве по технике безопасности дверь на чердак не должна быть закрыта? – удивилась она, опускаясь на скамейку.

– Да это мы с пацанами сломали замок! Хочешь, крышу покажу?

– Нет, спасибо.

– А чего так? – Рома насупился. – Вся такая правильная, я просто обалдеваю.

– На улице холодно, без куртки можно простыть.

– Болеть классно, – тут же возразил он, – сидишь себе за компом, играешь в игрушки, чатишься с девчонками, попиваешь куриный бульон. Эх, вот бы заболеть, надоела эта дурацкая школа!

– А мне нравится в школу ходить... – Подумав, она прибавила: – Иногда.

– Какая же ты скучная! – фыркнул Рома. – Ну никому, ваще никому эта школа на фиг не удалась, уж поверь мне, а ты... вундеркинд, блин... правильно Галька про тебя сказала... – парень осекся.

– А что она сказала?

– Да ничего, забей.

Какое-то время они молчали, потом он неожиданно повернулся к ней и воскликнул, точно его осенило:

– Вот видишь?!

– Что? Где? – завертела она головой.

– А-ай! – Он безнадежно махнул рукой и передразнил: – Что, где – на бороде! Я про тебя говорю. Какая ты. Даже настаивать не умеешь!

– А зачем настаивать, если ты не хочешь говорить? – недоуменно вскинула брови Карина.

– Другая бы на твоём месте попыталась узнать, что же сказала Галька... вон Светка бы душу вынула, но выяснила, что ей нужно, а ты... ты со странностями!

– Аа-а-а, вот о чем ты. Так это не странности, просто передавать слова человека, с которым дружишь, кому-то еще некрасиво. Разве нет?

Рома досадливо скрипнул зубами.

– Некрасиво, скажешь тоже! На-армально, так все делают, не парься.

Она не стала спорить и попыталась перевести разговор на другую тему:

– Ты не знаешь, сколько осталось до конца урока?

Парень отодвинул рукав синего свитера и лениво протянул:

– Пять минут. А что, не терпится дневник получить?

Не терпелось ей другое, но она мудро решила об этом промолчать.

Они поднялись, постояли с минуту, рассматривая граффити на стене, а когда стали спускаться по лестнице, Рома неожиданно предложил:

– Слушай, давай поцелуемся?

Не уверенная до конца, что правильно его поняла, Карина обернулась.

– Не-ет, ты не думай ничего такого, – тряхнул он головой, – просто... так надо. – Его руки легли ей на плечи. – Мы быстренько, – заверил парень, – даже не заметишь.

Карина убрала его руки и поправила свой чуть перекосившийся серый бадлон.¹

– Зачем это еще?

Раздался звонок на перемену.

– Да какая разница? Просто так, раз – и все!

Она отодвинулась от него подальше к стене. Его предложение поставило ее в тупик, даже слов не находилось, чтобы ответить на него достойно и окончательно не покраснеть.

– А как же Света, разонравилась, что ли? – выдавила она наконец из себя.

– Ты не поняла, – поморщился парень, – просто мы чмокнемся у всех на виду, а Светка ревновать станет!

– Ах... вот как.

– Ну да! Чего тебе стоит подыграть мне? – Он самодовольно расплылся в улыбке. – Не каждый день небось, такой шанс выпадает! Подумай!

Слово «шанс» неприятно резануло слух.

– Спасибо, нет, – твердо сказала она и, не дожидаясь, пока он станет дальше уговаривать, спрыгнула с последней ступеньки и направилась к проходу в рекреацию, где уже слышались голоса одноклассников.

– Эй, стой! – крикнул Рома. – Я все уже придумал... стой!

Он догнал ее у самого прохода и сжал в объятиях.

У нее перехватило дыхание, даже оттолкнуть его не было сил. Стало страшно и почему-то одновременно радостно. У него оказалось так много длинных ресниц, их кончики печально смотрели вниз, точь-в-точь как у хорошенького щенка. Она никогда прежде ни с кем не целовалась, только в щечку, и то в детском саду. Колени стали деревянными и не гнулись, она стояла, выпрямившись как палка, и пыталась вспомнить, что же нужно сделать, когда грудная клетка, точно мяч, накачана воздухом до предела.

– Мы быстренько, – шепнул он и прижался к ее губам.

Она сжала челюсти и почувствовала, как его скользкий язык уперся ей в зубы. Неожиданно стало очень смешно. От нехватки кислорода внутри образовался пузырь и неумолимо двинулся наружу. Карина дернулась в сторону как раз вовремя – из горла вырвался громкий хрюк.

Рома в ужасе отшатнулся, его обычно бледное лицо стало пунцовым от стыда. На них ошеломленно смотрели все одноклассники во главе с учительницей по литературе.

Первой опомнилась Света. Она резко развернулась и убежала назад в кабинет. Галя поспешила за подругой, но на полпути вернулась назад, взяла за руку Женю и потащила за собой. Прежде чем переступить порог кабинета, парень обернулся, посмотрел в упор на Рому и покрутил пальцем у виска.

Кто-то перешептывался, кто-то смеялся, некоторые просто смотрели с укором, а Алла Борисовна, прижимавшая к груди их дневники, была вне себя от гнева.

– Алмазова, – неожиданно сильным голосом произнесла учительница, глядя вовсе не на нее, а на Рому, – за мной... оба!

¹ Принятое в Санкт-Петербурге название водолазки (*Примеч. ред.*).

Опустив глаза, Карина посеменила за учительницей. Спрашивать, куда их ведут, не имело смысла, ответ выбивал монотонный стук учительских каблуков: к директору, к директору, к директору...

«Какой странный день, – подумалось ей, – сколько всего случилось в первый раз. Первое замечание, первый серьезный разговор с мальчиком, первый поцелуй... меня впервые все без исключения заметили... но как ужасно!»

– Это ты виновата! – зло прищуриваясь, пихнул ее плечом Рома. – Даже целоваться толком не умеешь! Деревенщина!

– Ну и нечего было меня целовать, – буркнула Карина. Ей порядком надоело терпеть его пренебрежение и вздорный нрав, пусть даже она подозревала, что вздорность больше показная, чем настоящая. Менее обидно от этого почему-то не становилось.

«Уж лучше как раньше, – промелькнуло в голове, – кому надо обижать невидимку, с невидимками и не разговаривают толком... зато проблем меньше».

Алла Борисовна завела их в уютный, но мрачноватый кабинет директора и сразу же объявила:

– Вот, Михаил Гаврилович, полюбуйтесь! Сорвали урок, выгнала их, а они развратничают в стенах школы вместо того, чтобы посидеть и подумать о своем поведении!

Директор повел из стороны в сторону короткими черными усиками, огорченно отодвинул кружку чая с блюдечком ароматных пышек и уставился на них.

– Разврат – это очень плохо, – печально изрек он, – объяснитесь, будьте любезны, молодые люди.

Было непонятно, серьезен он или шутит, но на всякий случай Карина решила предоставить возможность объясниться Роме, а он не заставил себя долго ждать:

– Михал Гаврилыч, – парень внезапно взял ее за руку, – простите нас, пожалуйста, мы с девушкой влюбились тут. – Он с неподдельным страданием опустил глаза и смущенно прибавил: – Увлеклись немножко, с кем не бывает!

Директор добродушно улыбнулся и посмотрел поверх очков на учительницу по литературе.

– Алла Борисовна, ну что скажете, простим их?

Алла Борисовна прощать никого не планировала, но спорить с директором не стала, вытолкала ребят из кабинета и сердито сказала:

– Я это так не оставлю! Будете мне класс драить! – Она помахала в воздухе их дневниками. – И родителям сообщим, чем вы занимаетесь в учебные часы!

– Ой, да сообщайте, – передернул плечами Рома, – по барабану!

Учительница плотно сжала губы.

– Алмазова, свой дневник заберешь в конце дня, когда придешь мыть класс, а ваш дневник, уважаемый Грачев, я отдам лично в руки родителям. Жду их завтра, ровно в два часа!

– Угу, сто раз, – огрызнулся парень.

Алла Борисовна его то ли не услышала, то ли предпочла сделать вид, но больше ничего не сказала и с гордо поднятой головой зашагала по коридору.

Карина посмотрела на свою ладонь, которую Рома продолжал крепко сжимать, и сказала:

– Можешь отпустить, никто больше на нас не смотрит.

Парень довольно грубо отбросил ее руку.

– Скажи спасибо, что я нас спас!

Она покосилась на него. Благодарить отчего-то совсем не хотелось.

– Ну, что молчишь, язык проглотила?

– А чего говорить-то? – не выдержала Карина. – Если хочешь правду, то вот она: не тыкал бы ты меня на уроке, ничего бы не произошло!

По-щенячьи невинные глаза недоуменно уставились на нее. Так он какое-то время смотрел, потом дружески шлепнул по плечу и заявил:

– Ха, смотри, начинаешь соображать! – Рома подмигнул ей. – Это даже интересно... знаешь... – он обернулся и умолк.

Позади них стояла Галя. Девушка любимым жестом поправила стриженные под каре белые волосы и сложила руки в разноцветных браслетах на груди.

– Тебе чего? – недовольно осведомился Рома.

– С Кариной хочу посекретничать, – презрительно скривилась Галя, – надеюсь, ты не против, Ромчик?

– Мне-то что, – пожал плечами парень, – я вообще на урок пошел.

Галя кивнула ей.

– Давай за мной.

– А куда? – стараясь идти с ней рядом, спросила Карина.

– Сейчас все узнаешь.

От недоброго взгляда одноклассницы стало не по себе, а когда Галя подошла к двери самого худшего во всей школе туалета, сердце екнуло от страха. Она не раз видела, как другие девочки выходили отсюда со слезами на глазах. Люся однажды рассказывала, что хотела сходить туда с двойняшками, посмотреть на чужие разборки, но девчонки из одиннадцатого класса их не пустили.

Галя открыла дверь и пихнула Карину внутрь.

В туалете стоял густой дым, сквозь него едва виднелись очертания раковин. Карина закашлялась. В ее семье никто не курил.

– Привела? – послышался чей-то голос от дальней кабинки.

– Привела, – отозвалась провожатая, снова толкая ее в спину, только уже сильнее.

Из дыма, как привидение, появилась Света.

– Ну наконец-то, – проворчала она.

Галя посмотрела на часики.

– У нас три минуты, Светуль, давай поскорее, ты ведь знаешь, как химик орет, если опоздать!

Света прислонилась к раковине и вызывающе спросила:

– Ну, что скажешь, тихоня?!

– А что нужно сказать? – теребя нос, в котором нещадно щекотало от едкого дыма, спросила Карина.

– Слышала? – фыркнула Света, обращаясь к подруге. – Она не знает, что сказать!

Галя закивала и снова встревоженно посмотрела на часы.

– Давай, говори ей, что хотела, и пойдем, Эдуард Петрович и так нас с тобой не любит!

В носу продолжало щекотать все сильнее, пока Карина громко не чихнула.

– Чахоточная какая-то! – рассердилась Света, брезгливо передергиваясь.

Карина шмыгнула носом и чихнула еще раз, затем снова и снова, пока не закрыла лицо рукавом бадлона.

– Ты издеваешься? – повысила голос Света.

– Очень дымно.

– Света-а-а, – проныла Галя, – ну ты скажешь ей или как?!

– Не торопи, блин! – Света, словно часовой, прошла от одной кабинки к другой и остановилась перед зеркалом.

– Хочешь, я скажу? – выпятила грудь Галя и, не дожидаясь ответа, повернулась к Карине и толкнула ее. – Эй ты, слушай сюда, – приказала она. – Еще раз увидим тебя возле Грачева, зубами плеваться будешь! Поняла?!

Карина прижалась к двери кабинки и смогла только кивнуть. Язык не слушался, а ноги с руками неожиданно стали тяжелыми-тяжелыми.

– Ты поняла? – переспросила Света.

– Да.

– Еще хоть раз вякнешь ему что-то, – прищурилась Света, – будешь плеваться зубами!

Прозвенел звонок на урок. Света торопливо вынула из сумочки какой-то маленький баллончик, пшикнула себе в рот, затем передала его подруге.

Они уже подошли к дверям, когда Галя обернулась и спросила:

– Знаешь, что будет, если пожалуешься кому-нибудь?

– То самое, про зубы? – тихо предположила Карина.

Подружки переглянулись, и Света удовлетворенно заключила:

– Она все поняла!

Дверь за одноклассницами закрылась, воцарилась тишина, нарушаемая лишь ударами капель из плохо закрытого крана.

Карина обессиленно присела на корточки. Тряслись руки, ноги стали значительно легче, но так ослабели, что не держали ее. От затылка к позвоночнику бежали мурашки, в кончик носа точно вонзились тоненькие иголки. Слезы скользкой пленкой плясали в глазах, готовые в любой миг сорваться с ресниц и обжечь щеки. Так обидно ей было последний раз, когда продавщица с рынка, куда она два раза в неделю ходила за косточками для Артемона, накричала на нее перед всеми покупателями. А все из-за случайно задетого мешочка с сахаром, который просыпался по ее вине. Она хотела отдать деньги за испорченный товар, но продавщица швырнула их ей в лицо. Тогда тоже трясло от обиды, и слезы казались неискраемыми. Больше на этот рынок она не ходила, ездила на другой – в двух остановках от дома. Но школа – это не какой-то рынок, в нее нельзя перестать ходить по собственному желанию...

Послышался чей-то голос, Карина быстро вытерла кулаками глаза, но подняться не успела, в туалет вошла учительница географии Татьяна Николаевна. На ее руке алела повязка «Дежурная». Эта худощавая женщина с крючковатым носом и длинными волосами, убранными в пучок, вела у них урок только однажды, когда замещала больную коллегу.

– Так-так, – произнесла она, размахивая перед собой рукой и шумно принохиваясь.

– Здравствуйте, – выдавила из себя Карина.

– И кто же у нас тут курит! – проигнорировав ее приветствие, воскликнула учительница.

– Я не...

– Ну-ка, – Татьяна Николаевна больно взяла девочку за плечо и подняла на ноги. – Попалась, милочка! Теперь уж легким испугом не отделаешься, это я тебе гарантирую.

– Я не курила, правда! – выпалила Карина.

Учительница недоверчиво зацокала языком и насмешливо указала куда-то на пол.

Карина опустила глаза.

Из-под ее спортивного тапка виднелся кончик окурка.

– Это не мой!

– А вот об этом, моя хорошая, ты расскажешь директору школы, – выводя ее из туалета, сладко проворковала учительница. – А он ой как не любит курилок вроде тебя.

– Снова к директору? – ужаснулась Карина. – Но я уже была!

Учительницу географии это ничуть не смутило, она лишь крепче сжала ее плечо и довольно приветливо улыбнулась.

– Раз так, значит, виновата ты дважды, а это уже, лапонька, двойное преступление.

Глава 2

Снежинка на ниточке

– Я преступница, – призналась она, глядя в преданные глаза Артемона.

Пудель заскулил и поджал одну лапку.

– Что теперь будет? – Карина стянула варежки и убрала под шапку выбившиеся волосы.

Прошло полчаса, а подруга не появилась. Во дворе неподалеку от Люсиного дома, где они обычно встречались, совсем стемнело, а фонарь почему-то так и не включили. Стало холоднее, от мороза пощипывало ноздри, собака то и дело жалобно поглядывала на нее, точно спрашивала: «Не пора ли нам домой?» Ей и самой хотелось поскорее в тепло, выпить горячего чаю с лимоном, завернуться в плед, посидеть на подоконнике, почитать избранные дневники. Но мысль о другом дневнике, исписанном красными чернилами вдоль и поперек, не давала покоя. Скрывать от домашних то, что случилось в школе, было непривычно и тяжело. Поэтому пришлось взять Артемона и отправиться на улицу. Какое-то время она просто гуляла, потом стала заходить в магазинчики, чтобы погреться, но с собакой никуда не пускали, а оставлять друга на морозе одного было несправедливо. Люся обещала присоединиться к ней ближе к вечеру, но, кажется, и на этот раз свое слово не сдержала.

Карина расчистила варежками снег на скамейке и позвала:

– Забирайся, Артоша, все теплее, чем на снегу!

Уговаривать пуделя не пришлось, он запрыгнул на скамейку и водрузил передние лапы ей на колени. Она погладила шершавые подушечки и вздохнула.

– Совсем ледяные.

Артемон в отличие от нее не любил зиму.

– Не нужно было тебя брать, – с запоздалым раскаянием прошептала она, поглаживая собаку по голове. – Ты ведь ни в чем не виноват... а мерзнешь из-за меня... – Карина услышала смех и обернулась.

– Ты что, с собакой разговариваешь? – весело спросила Люся.

Подруга пришла не одна, рядом с ней, приплясывая от холода, в ботинках на тонкой подошве и без шапки, стоял Женя.

Парень усмехнулся, глядя на Артемона, и обратился к Люсе:

– Не с кем ей больше говорить, хоть с собачкой парой слов перекинется, и то радость!

Подруга захихикала.

Карина не обиделась: она знала, Люся хорошо относится к ее псу, даже косточки ему частенько приносит, а смеется лишь потому, что хочет понравиться Жене. Он Люсе с пятого класса нравился, да и не только ей, некоторые девочки даже валентинки ему посылали. А его, кажется, только компьютерные игры интересовали и школьные драки, которые он снимал на телефон, а потом выкладывал в Интернет. Учился Женя хорошо лишь по одному-единственному предмету – по информатике, на остальных был редким посетителем. С девчонками общался мало и только тогда, когда те его вынуждали, как Света с Галей последнее время.

– Ну все, я пошел, покедова, Люська, – сказал Женя и, уже сделав несколько шагов к выходу из двора, бросил через плечо: – И тебе, звезда поцелуев, пока!

– До завтра! – крикнула Люся.

Карина промолчала. При воспоминании о поцелуе на виду у всех, а точнее о том, как он ужасно завершился, к щекам прилил жар.

Подружка уселась на спинку скамейки, поставила ноги на сиденье.

– Не поверишь, что было! – без предисловий начала Люся. – Иду я, значит, с тобой встречаться, как обещала, и тут вижу – Женька! Ну мы: «привет, „привет“, „куда идешь“,

короче, слово за слово, начали болтать о том, что в школе сегодня было... – подруга засмеялась. – Про тебя поговорили, как ты опозорилась, про Ромку, про Светку, в общем, обо всем. И тут он говорит: „Пошли в кафе“, ну я не дура, естественно, говорю: „Конечно, пошли“. И мы пошли, и все это время говорили-говорили.... – Люся перевела дыханье. – Каринка, он такой классный! Ты бы только видела!

– Рада, – вставила Карина.

– Ну а ты чего такая кислая? Все из-за Ромки страдаешь?!

– Вовсе я не страдаю.

Люся натянула на покрасневшие руки пушистые сиреневые перчатки и скомандовала:

– Ну, давай, рассказывай, что директор тебе сказал?

Карина поникла. В этот самый момент неожиданно зажегся фонарь и осветил ее, точно преступника на допросе.

– Сказал, что если еще раз меня поймают за курением, мои родители будут платить штраф.

– А ты?

– А что я могла... я пыталась объяснить, но он и слушать ничего не стал. Знаешь, какое письмо в дневнике моим родителям написал... страшно смотреть! А еще Алла Борисовна написала, что я урок сорвала, а потом вместо важной проверочной ЦЕЛОВАЛАСЬ! Представляешь, – Карина приподнялась с места, – целовалась с мальчиками! И во множественном числе, как будто я вообще там...

Люся протяжно вздохнула.

– Ну и ну, а что родители на замечание сказали? Я еще удивляюсь, как тебя вообще выпустили гулять!

Карина расстегнула куртку и вытащила дневник.

– Они еще не видели.

Подруга взяла дневник, открыла на нужной странице и громко ахнула.

– Меня бы убили за такое! Просто бы повесили!

– Спасибо... – Карина прикрыла глаза, – ты умеешь утешить.

Люся задумчиво склонила голову.

– А у тебя ручка есть?

– Да, а что?

– Давай!

Карина вынула из кармана маленькую серебристую ручку, которую носила с собой на всякий случай.

– Что ты собираешься делать? – забеспокоилась она, наблюдая, как подруга листает дневник.

Люся загадочно улыбнулась.

– Доверься мне.

Всякий раз, когда с ее уст слетала эта фраза, происходило что-то ужасное, но Карина даже не успела крикнуть: «Стой!», только рот открыла. Люся положила дневник на колени и расписалась там, где под черточкой значилось «Подпись родителей», а потом очень довольная собой объявила:

– Вот и все дела!

– Что ты наделала! – обрела дар речи Карина, ошалело глядя на копию маминой подписи у себя в дневнике. – Да ты... ты...

Люся недоуменно вскинула брови, посмотрела на аккуратно выведенную подпись и возмутилась:

– Ты чего бузишь, вылитая! Лучше бы спасибо сказала, выручаю тебя, а ты... – Подруга надула губы и обиженно кинула дневник ей на колени.

Карина с тихим стоном обняла дневник. В любой другой день она бы непременно попыталась тут же помириться с обидчивой Люсей, но не сегодня. Не было сил кого-то утешать, ее собственная жизнь, которая так часто казалась ей пресной, обрела вдруг очень и очень горький привкус.

– Ну, ты как хочешь, а я домой пошла, – поежилась Люся, – холодно.

– Пока, – продолжая сидеть и смотреть в одну точку, прошептала Карина.

Подружка прыгнула со скамейки, неодобрительно посмотрела на дрожащего от холода Артемона и проворчала:

– Сама сидишь в куртке, как барыня, а у собаки уже зуб на зуб не попадает!

Упрек подействовал, Карина не могла больше мучить своего любимца, поэтому поднялась и объявила:

– Все, домой, Артемон. Домой!

– То-то же, – буркнула Люся и, ничего больше не добавив, быстро пошла к своему подъезду.

Пес радостно бежал впереди, иногда оборачиваясь, чтобы проверить, идет ли за ним хозяйка. Небо из темно-синего стало черным – с блестящими точечками звезд, а снег еще сильнее покрылся ледяной коркой. Сердце с каждым шагом сжималось, как ожидающий смерти мышонок под лапой кота.

– Мам, ты же знаешь меня, – вполголоса бормотала Карина, – я и целоваться-то не умею...

Артемон приостановился, посмотрел на нее долгим взглядом и твякнул.

– Неубедительно, да? Знаю...

«Бедная мама... бедная-бедная я».

Они вышли на площадь, где возле нарядной елки гулял народ. Маленькие дети в разноцветных комбинезонах лепили снеговиков под присмотром взрослых, а девушки и парни постарше кидались снежками. Чуть поодаль мальчишки взрывали петарды.

В пятницу вечером на площади всегда бывало оживленно, люди, не дожидаясь субботы, начинали праздновать выходные.

«Что же делать? Как объяснить? Ну как? Срыв урока, поцелуи, курение в школьном туалете... теперь еще и липовая подпись». Карина вошла под своды арки и остановилась. От страха ее била мелкая дрожь. Родители ругались на нее очень редко, но обычно и повода не бывало, а тут...

– А если не говорить? – спросила она вьющегося у ног пуделя.

Артемон с одобрительным рыком подал голос.

– Подпись есть, – медленно шагая к подъезду, рассуждала Карина, – никто и не подумает, что она ненастоящая! А потом начнется следующая неделя, а за ней еще одна... испи-санную страницу можно будет спрятать под обложку...

Девочка не заметила, как подошла к двери квартиры, и очнулась лишь, когда Артемон заскреб лапой по обивке двери.

– Решено, – шепнула она, – ни слова о сегодняшнем дне!

Дверь открыла мама. Как увидела их, всплеснула руками.

– Кариша, губы-то синие, где вы были столько времени?! Мы переволновались! Бабушка все окна проглядела!

– Гуляли.

– Ну, ничего себе, гуляли, – покачала головой мама, трогая ее руки и разматывая покрывшийся сосульками шарф. – Чего ты стоишь, не раздеваешься, совсем окоченела, да? Давай помогу, – мама взялась за молнию на ее куртке, но Карина испуганно отшатнулась и, прежде чем та успела что-либо спросить, выпалила:

– Мама, а ты чайник иди поставь, ладно?! А я сама разденусь, не волнуйся.

Мама нахмурилась и положила ладонь ей на лоб.

– Кариша, с тобой все хорошо? Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо! Да все здорово! – как можно веселее воскликнула она. – Просто на улице так холодно, горячего чаю с лимоном хочется.

– Ну ладно, пойду тогда чайник поставлю...

Карина дождалась, когда мама уйдет на кухню, затем скинула куртку и прямо в сапогах бросилась в комнату к своему рюкзаку, куда быстро запихала дневник.

– А ты чего в сапогах по ковру?! – заглядывая в комнату, строго спросила бабушка. – Я только сегодня пылесосила!

Карина резко отдернула руки от молнии на рюкзаке и облегченно выдохнула.

– А-а-а, это ты, бабуль... напугала!

– С чего бы? – улыбнулась бабушка, с любопытством поглядывая на рюкзак. – У тебя неприятности, золотце?

– Нет-нет, все чудесно, – возвращаясь в коридор, заверила она.

– Ну смотри, а то расскажи, знаешь ведь, мне можно, – бабушка погладила ее по щеке.

От этого теплого прикосновения Карина почувствовала себя так хорошо и легко, что ей показалось на миг, будто рассказать все не так уж и сложно, но в коридоре появилась мама.

– Я чай согрела. Идемте!

Они втроем пили горячий чай с шоколадными пряниками и «Коровкой». Папа еще не вернулся с работы, а дедушка простыл и лег спать пораньше. По телевизору начались «Спокойной ночи, малыши». Карина торопилась поесть и скрыться у себя в комнате, в надежде избежать вопроса про школу. Никогда раньше он не вызывал у нее такого панического ужаса. Она с удовольствием рассказывала о своих делах, хоть они были немногочисленны, о делах одноклассников и учителей, любила перечислять полученные отметки, описывать смешные случаи, произошедшие на уроках. И совсем, абсолютно не умела обманывать. Даже пытаться не имело смысла, родители сразу же ее раскусывали.

– Не торопись, не на поезд ведь, – пожурив бабушка, разворачивая конфету и подливая ей в кружку кипятку.

– В школе все хорошо? – все-таки спросила мама.

Карина пригубила чай и промывчала:

– Угу.

– Ты к Люсе ходила? Как она поживает?

– Нормально поживает, как обычно.

– Уроки еще не делала?

– Ничего не задано, – с трудом выдавила из себя Карина, вскакивая с места и допивая чай залпом.

– Ты куда? Не посидишь с нами? – удивилась бабушка.

– Не-ет, мне нужно... – она махнула на дверь, – нужно кое-что сделать.

На этом расспросы закончились. Карина закрылась в комнате и какое-то время просто стояла, опершись о стену, и успокаивала дрожь.

Артемон мирно спал в корзинке и ее появления даже не заметил.

«Бедненький, совсем замерз», – сочувственно подумала она, удобно устраиваясь на подоконнике и кутаясь в пушистый плед.

Сперва Карина просто смотрела в окно, ощущая в животе тяжесть, точно от сильного ожорства, а потом включила ноутбук. Тяжесть не проходила, дело было вовсе не в двух пряниках и трех конфетах, которые она съела с чаем, ее тяготил страх разоблачения.

«Нужно было сразу все сказать, как пришла из школы, – с запоздалым раскаянием поняла она. – Теперь уже поздно бежать и признаваться...» Папа любил говорить, что поздно

бывает только для мертвецов, и ее это всегда очень веселило, но сейчас она не испытала и сотой доли прежней радости по этому поводу.

Людей на площади поубавилось. Мальчишки, еще недавно грохотавшие петардами, ушли, малышей увели родители – у елки осталось лишь несколько парочек.

Карина почитала новые записи в избранных дневниках, полюбовалась фотографиями, которые выложила Галя Решеткина, а потом зашла в свой дневник. И тут только заметила, что у нее появился первый постоянный читатель – на ее дневник подписались. Девушка с мистическим ником Black Night, с аватары² которой смотрела иссиня-черная пантера, написала комментарий к единственной в ее дневнике записи:

21:00

Black Night

Еще никогда не читала таких наивных бредней! Ты очередная дурочка, которая мечтает о принце на белом коне и носит розовую пижамку в сердечках? J

Дневник Профиль Цитировать

Карина посмотрела на свою пижаму, усеянную красными сердечками, и вздохнула.

«И что на это можно ответить? Нет, пижама у меня вовсе не розовая, а белая, так, что ли? Только сердечек от этого меньше явно не станет... А если не отвечать? Будет ли это так же неприлично, как не ответить на письмо? И почему всем пишут хорошие комментарии, вроде: „Какая ты красивая“, „Как точно подмечено“, „Респект“, „Классно написала“, а мне сразу вот так – „дурочка“?! Лучше уж не отвечать. И зачем она только подписалась на мои наивные бредни? Может, не так все плохо?» – Карина щелкнула по ссылке «Дневник» после сообщения, но страничка не открылась, вместо этого высветилось:

² Аватар или аватара – небольшая картинка, которую ассоциирует с собой пользователь Интернета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.